
Б. С. ЕРАСОВ

ХАОС И КРИМИНАЛ КАК ПОСТЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ СОСТОЯНИЕ

Проблема беспорядка и преступности, переходящей в террор, всегда присутствовала в человеческой истории. Особенно отчетливо эта проблема возникала в переходные периоды, когда в жизни сложных обществ разрастались пороки и преступность, а прежние формы регуляции, как государственные, так и общественные, были не в состоянии их устранить. В последние десятилетия социальный разлад стал во многих странах обычным спутником имитационной модернизации, подчас перечеркивающим все ее достижения.

Ключевые слова: цивилизация, модернизация, криминализация.

Масштабы ослабления и разрушения сложных жизненных структур во многих странах незападного мира, расширения «теневой» и даже «черной» зон социума, криминальные измерения глобализации, размах коррупции, обычной и организованной преступности, нередко смыкающейся с терроризмом, настолько велики, что побуждают к широким обобщениям и выяснению некоторых базовых цивилизационных принципов.

Широкое обсуждение этой проблематики уже выявило системные причины и место преступности в жизни современной России. Как наиболее содержательные и аналитически точные исследования следует привести публикации К. Майданика и В. Федотовой (Майданик 1997; 2000; Федотова 2000). Российская криминализация предстает как отражение и совокупная часть более общих глобальных тенденций и «встроена» в систему крупномасштабного взаимодействия. В самой России эти процессы носят глубоко системный характер, вытекают из самой сути переживаемой страной динамики, соответствующей переходу от «мнимого социализма» к мнимому капитализму.

Как и во всем остальном, Россия специфична, но не уникальна, хотя количественные характеристики рассматриваемых процессов волей-неволей вызывают экзистенциальные оценки, прорывающиеся в семантику любого текста.

Во всем этом сказываются и более крупномасштабные причины, действующие в современных глобальных процессах. Поэтому основная задача данной статьи состоит в том, чтобы раскрыть их соотношение с тенденциями ослабления, дезинтеграции и крушения мировых цивилизаций или же протоцивилизационных социокультурных систем (к которым можно отнести многие страны Тропической Африки или Центральной Азии). При всей ее универсальности эта тенденция имеет, как мы увидим, определенную структуру, соотношенную со степенью стабильности или же, напротив, неустойчивости цивилизационных оснований.

Исторический фон

Конечно, проблема беспорядка и преступности, переходящей в террор, всегда присутствовала в человеческой истории. Хаос был на заре цивилизации и воспринимался как постоянная угроза. Возникновение беспорядков с сокрушением описывали летописцы в Древнем Египте и Палестине, Греции и Риме, Персии, Индии и Китае. Разлад, крушение норм и преступность, несоблюдение порядка сильными мира сего, простыми людьми или просто разбойниками вызывали напряженные поиски не только методов защиты, но и иного устройства общества, снижающего уровень беспорядка.

Особенно настойчиво эта проблема возникала в переходные периоды, когда в жизни сложных обществ разрастались пороки и преступность, а прежние формы регуляции, как государственные, так и общественные, были не в состоянии их устранить. Свидетельства общественного разлада и преступности хорошо известны еще по Ветхому Завету. А древние Содом и Гоморра стали символами моральной развращенности. Но этот период стал «осевым» поворотным пунктом, обозначившим Великое разделение между Пороком и Добродетелью. Принятие за предельного сверхначала в качестве основания этого разделения стало началом новой цивилизации, гораздо более устойчивой и долговременной, чем политическая структура Римской империи, хотя и имевшая в своем составе гражданские доблести и право¹. Подобное разделение утвердилось и в других «осевых цивилизациях».

¹ Перечитывание книги Э. Гиббона «Закат и падение Римской империи» может принести утешение тем, кто находит слишком драматичными текущие проявления социальной патологии в окружающем мире. Основательную картину связи между регрессом цивилизации и ростом преступности дает Ибн Хальдун в первом томе своей монументальной работы «Китабу-ль-Ибар» («Книга наставлений»), написанной в конце XIV века.

Рост западной цивилизации, как и всех других, сопровождался постоянной борьбой с девиантным поведением, длительными беспорядками «смутного времени», революциями и реставрациями «порядка». Переход к Новому времени привел к глубоким изменениям в самом типе и структуре цивилизации, но был отмечен особенно интенсивной криминализацией. Преступность стала ответом населения на лишение средств к существованию и разрушение прежних отношений (The Civilization... 1996).

Впрочем, как показывает В. Зомбарт, преступность под более благозвучным названием авантюризма была важным источником капитализма, и удачливый мошенник, разбойник или пират имели немало шансов стать «приличными» предпринимателями. Таким образом, преступность стала существенным источником первоначального накопления.

Неупорядоченность такого девиантного поведения стала серьезной проблемой для поднимающегося капитализма, и только постепенно юридические методы были приняты как существенный механизм социальной регуляции. Однако адекватное поднимающемуся капитализму репрессивное законодательство, обеспечивавшее преимущественные права собственников, приводило к криминализации значительной части населения, что столь ярко выявлено в работах К. Маркса, Ф. Энгельса и других социалистических мыслителей. Конечно, упомянутые мыслители обычно не выделяли преступность как самостоятельную проблему. Она была подчинена задачам выяснения содержания классовой борьбы, т. е. прежде всего позитива общественного перехода на новую ступень развития, хотя и со всеми издержками люмпенизации и репрессий против «угнетенных классов». Однако разлад и преступность получают у них содержательное социальное объяснение.

Позднее подъем социализма и коммунизма стал, по существу, реакцией на социальные издержки становления капитализма в ряде государств, начиная со стран классического генезиса капитализма. Но «социалистическая» революция в России, стране с неорганической цивилизацией, неизбежно сопровождалась широкомасштабными беспорядками, разрушением предшествующей высокой культуры и разгулом преступности, которая могла быть подавлена только суровыми государственными репрессиями. Расширение сферы государственного принуждения стало обычным методом наведения формального порядка в советской системе, что вновь и вновь сопровождалось криминализацией значительной части населения.

В последние десятилетия социальный разлад и преступность стали во многих странах обычным спутником имитационной модернизации, подчас перечеркивающим все ее достижения. И нарастающий размах таких процессов проявляется при переходе к третьему тысячелетию. Хорошо известно о гигантском объеме финансовых и материальных ресурсов, сотнях миллиардов (и триллионах) долларов, составляющих доход криминального или полуполюгального мира. Даже в «нормальных» странах Европы теневая экономика охватила до 10–20 % валового продукта. В «ненормальных» странах эта цифра поднимается до 40–50 и более процентов. Все эти ресурсы становятся достоянием «антисистемы», существующей как обратная сторона собственно цивилизованного устройства мира.

Но, помимо собственно финансовых потерь, существуют и различного рода нарушения, антагонистичные по отношению к цивилизационным принципам: коррупция в различных сферах, физическое насилие, преступления против собственности, межэтнические конфликты и войны, разрушение условий существования населения, терроризм и т. д. Мы видим, как десятки стран погружаются в бездну беспорядка, вызванного ослаблением государства и распадом цивилизации. Некоторые азиатские, африканские и латиноамериканские страны (в этот список попали и европейская Албания, и территория «освобожденного» края Косово) существуют в «мировом сообществе» лишь как поставщики наркотиков, преступности и терроризма или, напротив, используются как нужные «агенты влияния» (показательна в этом плане судьба движения «Талибан»^{*}).

Очевидное втягивание и России в этот мир непреуспевающего не-Запада придает этому феномену масштабность, высокую степень типичности и универсальности, сопоставимую с чертами параллельно протекающей глобализации западной миросистемы. В крупномасштабной криминализации России с особой силой проявились те особенности, которые давно развивались в азиатских и африканских странах. Но наша страна сумела основательно дополнить их опыт по степени коррупции и срастанию власти с теневыми, полузаконными и прямо криминальными структурами. Особой и поразительной чертой современной России в этом плане являют-

^{*} Деятельность данной террористической организации запрещена на территории РФ. – *Прим. ред.*

ся не только объем разграбления общего достояния и ограбления населения, количество (более 300 миллиардов долларов) вывезенных капиталов (согласно уже открытым данным), численность погубленного населения, размах организованной преступности, степень ее проникновения в самые различные сферы социальной жизнедеятельности, не только цинизм в третировании жертв обмана, ограбления и произвола, но и почти тотальное отсутствие реальной борьбы с крупномасштабной преступностью. Новая «демократическая» Россия быстро «обогнала» предшествующую ей Советскую Россию в демографических показателях, утвердив быструю убыль и обнищание населения в минувшую декаду «реформ». Антинациональный характер властных верхов непосредственно перерастает в антицивилизационный проект. Новый социум должен обеспечить место только для «современных» слоев и устранить носителей «традиционности».

Теоретические подходы

Исторические тексты или художественная литература полны описаний деструктивных действий и человеческих страданий. Но все это большей частью исчезает из теории цивилизаций и остается достоянием лишь религиозной, юридической или психологической литературы. А институциональное насилие (войны, покорение населения, его изгнание и истребление) большей частью принимается, явно или имплицитно, как существенная часть социально-экономического механизма.

Более двух веков в историографии Прогресса поддерживалось убеждение, что распространение цивилизации ведет к сокращению и устранению варварства, к окончательной победе над ним. Вопреки циклическому пессимизму А. Тойнби, преобладающим отношением к варварству был оптимизм по поводу его исчезновения. Варварство рассматривалось как состояние, предшествующее цивилизации, и ее становление и распространение ведут к устранению варварства и беспорядка.

Необходимой поправкой к такой картине должно стать признание того факта, что западогенный Прогресс идет параллельно с крушением основ цивилизованной жизни и приносит с собой беспорядок, преступность и терроризм. Нередко это происходит в существенной части мировых структур на протяжении длительного «смутного времени».

В применении к России В. Г. Федотова показала, что большую роль в этих процессах играет разрушение традиционного общества,

обгоняющее модернизационные сдвиги. Это разрушение происходило на фоне ослабления государства и его превращения в носителя интересов отдельных групп. Выброшенные из прежнего состояния низы, освобожденные от давления репрессивного государства, впадают в состояние анархии, означающей свободу от общества, от морали, от окружения (Федотова 2000).

Эта концептуальная модель действительно выявляет существенные характеристики кризиса – и не только в России, так как ослабление государства – черта, присущая многим странам современного мира. Следует лишь отметить, что далеко не всякое «традиционное» общество впадает в состояние разлада при переходе к современности, а напротив, некоторые из них, относящиеся к более устойчивой цивилизационной структуре, оказываются в состоянии входить в современность, сохраняя устойчивые компоненты своего достояния.

Принимая во внимание расхождение взглядов по поводу сущности беспорядка и преступности (Rock 1993: 119–123), примем то положение, что *преступность и беспорядок могут рассматриваться как действия или состояние, подрывающие стабильность, жизнеспособность или значимость цивилизации. Соответственно, неустойчивая и слабая цивилизация распространяет беспорядок и преступность.*

Здесь необходимы некоторые уточнения. Приведенное определение может вызвать излишнее расширение термина. Было бы весьма спорным квалифицировать как преступление некоторые деструктивные действия в международной сфере, где ущерб для одного государства может означать выигрыш для другого. И международное право не всегда охватывает такого рода конфликты. Следует полагать, что существует некая высшая цивилизационная логика (или тенденция), в которой не учитываются некоторые злоупотребления или же они принимаются за признаки внутренней силы и страсти – но только если ведут к благотворным переменам, к укреплению сплоченности или последующему прорыву в новое состояние, повышают жизнеспособность общества. Утрата может стать предпосылкой для дальнейшего обретения, успеха или трансформации. Центральным символом западной цивилизации является трагическая утрата – распятие Иисуса Христа и его последующее воскресение. Гибель античной цивилизации и нашествия «варваров» получают трактовку как предпосылка перехода к новому христианскому обществу.

В других культурах мы также можем найти различные варианты утраты (смерти или разрушения) как предпосылки духовного преобразования. Конфликты и войны, сопровождаемые гибелью огромного числа людей и разрушением собственности, могут вести к реорганизации общества, к его интеграции и пробуждению социальной или культурной активности.

Существенно то, что более высокий порядок рождался из преодоления конфликта и установления новых измерений бытия – сначала в духовном пространстве сверхземных ориентаций, и лишь впоследствии – через соучастие института, воплощающего в себе эту ориентацию.

Многочисленные войны между национальными государствами в Европе или Азии становились прелюдией к последующему более цивилизованному миру или возрождению цивилизованного устройства. Индо-пакистанское разделение стало страшным ударом для сотен миллионов человек. Тем не менее этот процесс стал отражением значительного подъема двух цивилизаций.

Каждая революция полна жестокости и расправ, которые вряд ли могут быть оценены с моральной точки зрения, даже если при этом происходит уничтожение прежнего режима и соответствующих ему цивилизационных оснований. Идейные поношения Великой французской революции или Великой Октябрьской революции не устраняют их теоретических оценок как крупных сдвигов в истории соответствующих стран или мировой истории в целом (Эйзенштадт 1999).

Конечно, каждая цивилизация, соответствующая этому названию, должна справляться с проблемой преступности, держать ее в некоторых границах, делать ее менее вредоносной или даже использовать в «конструктивных целях» (уничтожение еретиков или изгнание меньшинств), укрепляя таким образом свою гомогенность или культурное самосохранение. Негативное отношение к беспорядку и преступности всегда было существенной частью моральной основы цивилизации. Много веков значительная часть населения жила в тени «греха» или «кармы» как большой или малой провинности, влекущей за собой наказание индивида. Лишь позднее право стало наиболее уважаемым институтом, охраняющим общество от ненормативных проступков и преступлений. Тем не менее полное освобождение людей от тяжести греха или кармы сделало бы задачу правозащитных органов невыполнимой.

Однако существуют беспорядок и преступность, «выходящие из рамок» в условиях надлома и разрушения социального устройства, когда общество неспособно избавиться от внутреннего разлада

и внешнего натиска и пассивно переживает процесс разложения. Возникают беспорядок, хаос и преступность, которые противоположны цивилизации в любом ее определении.

Цивилизация в этом контексте рассматривается как система отношений и социальная общность, основанные на некоторой высокой культуре с соответствующими нормами, ценностями и значениями. Целостная, органичная и полноценная цивилизация естественно подавляет беспорядок через ценностную регуляцию, моральное воздействие и символические ориентации, дополняемые административным или политическим воздействием. Надломленная цивилизация порождает преступность и хаос, что и ведет к ускорению ее «гниения».

Во многих странах и даже в рамках всего мирового сообщества усилия по исправлению описанных тенденций явно неэффективны. Весьма «структурированной» и подчиненной политическим целям ведущих держав является и борьба с преступностью в международном масштабе. Как отметил К. Майданик, широко разрекламированная отзывчивость общественного мнения к пагубным последствиям преступности, коррупции и насилия в разных странах не повлекла за собой эффективных и сосредоточенных усилий, сопоставимых с антиавторитарными действиями западных демократий (Майданик 2000: 67). Напротив, практическая терпимость к распространению насилия и беспорядка, если только это не затрагивает непосредственно представителей западных государств, может быть сопоставлена только с неспособностью международных органов справляться с такими ситуациями. Политические или корпоративные интересы слишком часто задвигают на последний план цивилизационные аспекты.

Очевидно, что имеется что-то неадекватное или противоречивое в цивилизационном устройстве мира, если все большая часть человеческой деятельности осуществляется за пределами цивилизации. Является ли такое положение следствием слабости, присущей классическим мировым цивилизациям, неспособным выстоять перед натиском гегемонистского Запада? Или причина такого положения кроется в присущей «центральной цивилизации» неспособности стать универсальной и создать адекватную систему регуляции, которая была бы пригодна для «всех остальных» и могла связать их в объединенном мире? Или эта цивилизация не является универсальной, а ограничена, включает в себя только часть человечества, оказывая разрушительное воздействие на другие компоненты этого ансамбля мировых цивилизаций?

Аналитики, апологеты и критики Криминала

В различного рода дискуссиях по поводу кризиса и хаоса, теневых и криминальных факторов мирового сообщества или российской среды вполне отчетливо выделяются несколько принципиально разных подходов.

1. Анализ такого рода явлений был хорошо разработан в марксистской теории, а теперь возрожденный неомарксизм усиливает свое влияние среди тех, кто не признает «нового капитализма» с его новыми (и прежними) тяжелыми издержками². Вместо концепции добротной и рациональной наживы, образуемой в результате правильного поведения благоразумных буржуа, описанного М. Вебером, приходится вернуться к суровой разоблачительной критике этого процесса, введенной в науку К. Марксом, а затем к ярким описаниям разбоя и авантюризма раннего капитализма у В. Зомбарта. Конечно, с существенными поправками на новые времена и новые «социальные технологии» быстрого обогащения. Важное отличие заключается в том, что современное классовое деление данного общества, процессы, происходящие внутри национального государства, тесно связаны с его положением в иерархии международного разделения труда. И если по отношению к основной массе населения устанавливается система жесткой сегрегации, то правящий класс и квазинациональный капитал в той или иной степени встроены в миросистемные формальные, теневые и криминальные связи. Это уже «чужой» класс в том смысле, что он в плане как распоряжения капиталами, так и социокультурной ориентации во многом принадлежит к другой цивилизации. Нужны особые культурные принципы, чтобы удержать его или вернуть в лоно своего общества.

Однако в наше время влияние марксизма ограничено массивной антимарксистской идеологией, имеющей в своем арсенале богатый набор сокрушительной критики.

2. «Общедемократическое» направление, непосредственные сторонники которого нередко рассматривают криминализацию России и других стран мира как пагубное явление и признают ее огромные масштабы, но в качестве объяснения причин ее они могут лишь назвать «плохо продуманные реформы» и высказать некоторые догадки относительно «расхождения между словами и делами» западных лидеров, отказавшихся помогать этим странам, и России

² Например, в журнале «Альтернативы» (отв. ред. А. В. Бузгалин).

в том числе (Кива 1999). Распространены также сетования на «неадекватность законодательства», «нечеткость административных положений», «труднодоказуемость фактов коррупции», «низкую эффективность правоохранительной системы», «затушевывание реальных масштабов перераспределения национального богатства», «произвол в государственной политике» и т. д.

3. Социально-экономический, ценностно не нагруженный и даже подчеркнуто отстраненный подход, раскрывающий функции Тени и Криминала в истории и «новом мировом порядке» или в России (Pro et Contra 1999). Всякий способ производства неизбежно основан на том или ином способе «отымания», а значит, и насилия. Трезвый вывод такого подхода сводится к тому, что на протяжении всей истории подавляющая часть человечества жила в той или иной степени в Тени. И если в религиозную эпоху это была тень греха, то в свете секуляризации растущее значение стали приобретать неправовые и неформальные отношения. Естественно, что чем больше законов, тем больше тень от них, и выход – в сокращении сферы права и правил и самоорганизации Тени, что само собой выводит ее на Свет. Таким образом, история есть только список больших и малых преступлений, однако в этом процессе вырабатывается некоторая мера, обеспечивающая самоорганизацию преступности и выживание социума.

В рамках такого рода функциональной социологии ни Тень, ни Криминал не могут быть рассмотрены на основе «объективных» критериев нравственного порядка. Они сочетаются со «светом» и вырываются на «свет», перетекают друг в друга, составляя некоторое диалектическое целое (Косолапов 2000).

4. Социально-экономический подход, продолжающий в применении к прошлому и современности формационный анализ способов производства и классовых отношений, но с полным перевертыванием смысловых и ценностных атрибутов. Там, где в марксизме фигурировали угнетенные и эксплуатируемые массы, служащие основным источником прибавочного продукта, в русле «откатного» мышления возникают ни к чему не способные, жадные, завистливые низы, склонные к бессмысленному протесту против Прогресса.

Наивное недоумение «подлинных демократов» России по поводу «провала реформ» оттеняется уверенно звучащими голосами апологетов постиндустриального мира, холодно констатирующими отставание и «прогрессирующую деградацию» неудачников догоняющего развития и обреченность большого числа стран и огром-

ного населения на «болезненные» издержки. Характерно, что открытые призывы «отбраковывать» всех «вчерашних», «непригодных», «не приспособленных к принятию перемен» редко дополняются апологией «новых русских» или других нуворишей – ввиду неблагоприятности их поведения и очевидной полуполюгальности их капиталов. Слишком многое придется амнистировать для того, чтобы создать «прекрасный новый мир» посткоммунизма.

Критика «плохого» народа, «имперского», «отсталого», «противника цивилизации» и т. п. сыграла существенную подготовительную роль в идейно-семантическом оправдании – явном или имплицитном – протекавшей одновременно операции по ограблению населения и становлению режима, обеспечивавшего такое ограбление и закрепление результатов «первоначального накопления» и «приватизации». Радикальный антипопулизм, снимающий моральные и человеческие критерии прогресса, становится предпосылкой принятия неизбежности криминализации – как сверху, так и снизу. Впрочем, «верхи» имеют неизмеримо больше возможностей для такого деяния. Последовательное додумывание этого постиндустриального прогрессизма приводит к жестким выводам в отношении «неудачников». Конечно, «прогресс» возможен только для избранных, за счет планетарных низов, и российские массы – лишь частица этой тотальной операции.

Существенная характеристика нового крупного капитала – не в том, что он незаконен, так как законы принимаются для того, чтобы обеспечить «быстрое и безболезненное» перемещение капитала, а в том, что он морально нелегитимен: его создание и функционирование идут вразрез с нормами морали и общественно значимыми ценностями. Понимая это, виртуозы быстрого накопления прилагают интенсивные усилия для того, чтобы разрушить нормативно-ценностную основу социальной регуляции и утвердить торжество аморализма.

Невосприимчивость последователей «либеральной демократии» к человеческим издержкам «ухода в историю» «прежнего» мира, напрашивающиеся из таких выкладок масштабы «списания» населения подчас предстают как «немыслимые», как капитуляция человеческого духа и отрицание смысла и цели бытия для большей части человечества (Этос... 1999: 32–33). И конечно, первый и основной контингент, списываемый в небытие, – это население России и она сама как носитель некоторого противостоящего глобалистским устремлениям Запада начала и хранительница своего до-

стояния. Хаотизация России, хотя бы и ценой ее массивированной криминализации, является для ревностных западников предпосылкой ее вступления в «мировую цивилизацию».

Активными участниками этого новоявленного синедриона стали многие представители прежнего диссидентского и эмигрантского крыла российской интеллигенции, нередко в прямой смычке с бывшими олигархическими структурами, ревностно закрепляющими таким образом свое влияние и собственность, приобретенную явно теневым или криминальным способом.

Как во втором, так и в третьем варианте теории Тень и Криминал – функционально необходимые и поэтому допустимые факторы социальной регуляции. В русле такого подхода мораль – исчезающе малая величина, иллюзия или предрассудок, излишний элемент в системе практической регуляции. Впрочем, в рамках «высоких пиаровских технологий» мораль вновь появляется – как в религиозной, так и в светской оболочке – как функционально необходимое средство отвлечения сознания жертв и неудачников исторического процесса, предоставления им некоторой воображаемой компенсации или манипуляции сознанием. Она дает возможность ограничить открытые репрессии и внедрить более гибкий механизм «отымания» – через зомбирование сознания и растление душ.

Если в экономическом плане лишь констатируется, что 80 % мирового населения не могут быть заняты производительно и функционально включены в новые производственные структуры, то идеологи «нового мира» откровенно говорят о безнадежности ситуации для этой части населения и его ненужности в новом мире. В силу «безжалостных законов истории» эти слои обречены на вымирание. Новое деление мира – «не на богатых и бедных, как думают многие, а на тех, кто может жить в завтра, и вечно вчерашних» (Ахиезер, Яковенко 1997: 37). Конечно, вина за такое положение возлагается на сами эти многочисленные массы, состоящие из «непригодных» людей, преданных «архаике». Устойчивое поношение «популизма» и «охлократии», сменившее прежнее «народолюбие» и «народовластие», – характерная семантическая черта таких построений.

Обоснование модернизации как тотального «разрыва с архаикой» и «пережитками прошлого» должно способствовать снятию интеллектуальной легитимности нормативно-ценностных устоев социальной регуляции, таких как «честь», «добро», «солидарность», «идеалы», «традиции» и т. п. Слово «культура» большей

частью попросту исчезает из нового лексикона прописных истин. В эффективно функционирующем обществе должны учитываться лишь интересы, совместимые с рыночными отношениями.

Отсюда проистекают не только игнорирование, но и имплицитное принятие криминализации всех сфер человеческого бытия как решительного отхода от косной архаики и проявления «пассионарности», «инициативы», «активности» как реализации целенаправленной «хаотизации» общества ради избавления от накопившихся ненужных и вредных для прогресса элементов.

Российская общественная и научная мысль в поразительной степени изобилует идейно ангажированной и «независимой» экспертизой, нацеленной на выявление функциональности и позитива в Тени и даже в Криминале как основе складывания нового общества.

Идея этических оснований хозяйственной деятельности и возникновения капитализма, столь тщательно изученных М. Вебером и рекомендуемых обширной веберианой для всех стран, не выдерживает конкуренции со «здравым смыслом» тех, кто делает выводы из ситуации, складывающейся в мировой цивилизации и России как ее части. Они проводят идею необходимости прежде всего Капитала для «нормального» функционирования общества. Весь менталитет «новых богатых» и его интеллектуальной obsługi настроен на оправдание любого прироста капитала, любого его перераспределения в пользу крупной собственности – при полном игнорировании издержек по другую сторону этого процесса. Как известно, большая часть этого капитала имеет не только теневой и криминальный, но и прямо паразитический характер, так как уходит на «расширенное потребление» только богатых слоев. Конечно, в эту рубрику идут и расходы по обеспечению власти и влияния – содержанию СМИ, органов частной безопасности, адвокатуры, подкупу чиновников. Как гласит емкая формула, «нужно делиться». Более того, в общественное сознание интенсивно внедряется идея благотворности теневого капитала как формы «первоначального накопления», стереотип широких возможностей и размаха деятельности крупных владельцев, «хозяев жизни», мафиозных структур, и даже если этот первоначальный этап был сомнительным или явно нечистым, размер капитала – предпосылка дальнейшего «остепенения» и «очеловечивания».

Такая позиция делает бессмысленной гуманность и даже культурную восприимчивость и предоставляет достаточное поле дея-

тельности для современных идейных «зондеркоманд», призванных устранить препятствия для самоутверждения «полноценных» представителей человеческой расы. Уже не только в публицистике, но и в научных публикациях найдется немало обоснований деления человечества на «передовых» и «архаичных», столь же безапелляционного, сколь прежде делили людей на «передовой» и «обреченный» классы.

5. На этом фоне звучат только отдельные голоса людей, не принимающих утверждаемого нового порядка и раскрывающих его катастрофизм как в рамках отдельного социума, так и в глобальном масштабе (Панарин 1999).

Их позиция основана прежде всего на цивилизационном подходе, который в любом своем определении включает оценку человеческого потенциала, культурных обретений и утрат в динамике истории. Поэтому в рамках данного подхода можно выявить источники разлада в устройении данного общества или в глобальном масштабе, раскрыть негативные стороны в жизни общества, пагубные последствия криминализации, ведущей к распаду нормативно-ценностной регуляции, способность общества к реформированию и достижению нормативности общей системы регуляции. Концепция «надлома» и «распада» цивилизации, выявление сущности «смутного времени» – не только метафоры постижения истории. Они имеют вполне аналитическое наполнение. Каковы же структура и механизм этой «смуты», ее содержание в современном мире и каковы ее возможные последствия?

Несмотря на интенсивное обсуждение процессов криминализации в российской общественной мысли, эта проблема не получила достаточного цивилизационного объяснения. Перед лицом громадности распространения беспорядка и преступности во всем мире, а также его концентрации в некоторых менее успешных странах теория цивилизаций стоит перед необходимостью выдвинуть правдоподобное и содержательное объяснение.

Структура деструктивных процессов

Сопоставление источников и типов беспорядка и криминализации в соответствии с цивилизационными критериями может стать весьма плодотворным полем исследований. В общетипологическом плане следует выделить эндогенный вариант, который отнюдь не обязательно является традиционным, но может выявить новаторские возможности, показав способность использовать прежние

нормы как носители преступности. Другой источник – экзогенный, питаемый высокими технологиями и мировой системой коммуникаций и использующий их в целях быстрого и незаконного обогащения или просто для того, чтобы вызвать беспорядок.

Другой функциональной структурой преступности является ее деление на низовой уровень, возникающий среди девиантных групп населения, и преступность в высших эшелонах правящего меньшинства.

Существует устоявшееся положение о наличии прямой связи между состоянием цивилизации и степенью и характером преступности и коррупции. Это соотношение основательно раскрыто в работах Э. Гиббона и А. Тойнби, показавших, как в смутные времена общество с его накопленными материальными и духовными богатствами становится добычей разрушительных сил и само плодит преступность по отношению к другим обществам.

Модернизация незападных стран за последние три столетия была отмечена в значительной степени не приспособлением рыночной экономики к специфическим ориентациям и формам поведения, принятым в других культурах, а растущими разрывами устоявшихся и жизненно важных ценностей, смыслов и структур. Создание нового Храма правосудия оказалось длительным и сложным процессом, входящим в противоречие со сложившимся обычным правом.

Прежде эти и предшествующие им поколения людей жили при том фундаментальном устроении, которое формировала цивилизация как общая система нормативно-ценностной, смысловой и институциональной регуляции. Общество опиралось на «большую традицию», в которой всем было обеспечено некоторое внешне легитимное и внутренне оправданное место. Крупномасштабная идентичность в пространстве и времени обеспечивала значимое единство большого общества и преемственность поколений. К сверхсоциальным законам была привязана классическая культура, воплотившая многообразный опыт предшествующих веков.

Существенно то, что удару подвергается прежде всего та высокая культура, существование которой оказывается несовместимым с содержанием новой культуры. Ценности спасения, добра, добродетели, истины, преданности, солидарности всех верующих или хотя бы «своих» оказываются ненужными и вредными с точки зрения преуспевания. Их удел – стать музейным достоянием, собранием классических текстов, предметом культивирования на презента-

циях и юбилеях. Но это уже не реальная, а искусственная жизнь объекта, помещаемого в специальную нишу, полезную для изучения «культурного прошлого».

Если посмотреть на Тень не со стороны Света, в который она, как часто предполагается, должна превратиться в конце «переходного» периода, а с другого края, то мы увидим, как она переходит в «царство ночи», той ночи, которая наступает для огромной массы людей по мере того, как для привилегированного «золотого миллиарда» все еще ярко светит солнце комфорта, обеспеченности, права. Их удел – тотальная деградация среды обитания, отношений, условий бытия, физического состояния и умственного развития.

В ситуации современного «переходного периода» социальное тело и ум становятся сферой жесткой напряженности, в которой коррупция и аномия – лишь естественные способы поведения, пассивный (наркотики) или активный (преступность), но равно разрушительные и самоубийственные ответы на вызов прозападной модернизации. Пассивный ответ – примирение с потерей статуса и скатывание на дно. Активный ответ – уход в криминальные сферы. И бандиты предстают как «пассионарии», способные «пойти на дело», на которое не решаются остальные, и поэтому достойные героизации.

Существует определенная универсальность в дестабилизации «осевых» цивилизаций, включая и русскую, при всей их специфичности. Почти единогласное мнение всех исследователей процессов криминализации состоит в том, что начальный в условиях рыночных отношений этап неизменно состоял в повышении статуса материальной собственности и потребления, а соответственно в снижении значимости предшествующего социального или духовного статуса. Эти изменения сопровождаются экспроприацией, которая теперь в России называется «приватизацией» либо «перераспределением» общего достояния или накопленной ранее собственности в пользу новых собственников.

Становление западного капитализма начиналось, как известно из работ предаваемого забвению К. Маркса, с «приватизации» земли, изгнания «лишних людей» и введения драконовского законодательства против ограбленных «вольных землепашцев». Англия как страна классической модернизации решила проблемы «утилизации» лишнего населения, превращенного в преступников, посредством виселиц (на которых были вздернуты многие десятки, если не сотни тысяч воров и бродяг) и работных домов и приютов, столь

ярко описанных Ф. Энгельсом и Ч. Диккенсом. Впрочем, большой «отдушиной» были еще и колонии, а из уголовного населения Австралии и Америки сложилось вполне благопристойное общество.

Уже на первичной стадии проникновения Запада в другие страны реализовывалась задача «приватизации» накопленного достояния Востока в пользу «новых хозяев». В политэкономическом плане хорошо изучен процесс присвоения земель, природных ресурсов, материальных богатств, осуществлявшийся колониализмом, – через прямой захват, мнимый выкуп, контрибуции, неэквивалентный обмен и т. д.

Но мы рассматриваем собственно цивилизационные аспекты этого процесса. Отмене или изъятию подлежала вся культура и история народа с накопленным опытом, сложившимися структурами общения, жизненными устремлениями, представлениями о мире и о себе. Императив смены ценностей, норм и смыслов часто вел к резкому ниспровержению прежней символики, на которой в значительной степени держалось общество. Разрушение «других» культур прямо заложено в формулу «модернизации» как тотального «разрыва с архаикой» и «пережитками прошлого». Все прежде ценное и осмысленное – мораль, человеческое достоинство, возвышенная вера, духовное спасение, красота, человеческие привязанности, долг, преданность – отныне предстает лишь как объект коммерциализации: «все на продажу».

Происходит крушение «осевого» времени, распадается связь времен, и новое время отменяет старое как бессмысленное, задвигая его в прошлое, не имеющее какого-либо будущего. Это обрекает прошлое на ненужность и забвение, и в этой цепочке каждое поколение быстро становится «прошлым», морально устаревшим. «Поиски утраченного времени» могут стать занятием изысканной элиты или использоваться в индустрии туризма, но для общества в целом это бесплодное занятие. Будущее с теми, кто действует совместно с «передовым миром» и от его имени, не считаясь со всем, что остается в прошлом. Для прочих остается только томительная повседневность, заполненная заботами о выживании.

Становление капитализма в Европе предстало в художественном творчестве как человеческая трагедия у Шекспира или тяжелая драма в «человеческой комедии» Бальзака или Диккенса. Но это все в прошлом. В период постмодерна в «откатном» мышлении «либеральных рыночников» предаются полному забвению прежде столь прочно, казалось бы, усвоенные идеи об эксплуатации и не-

устроенности широких народных масс в ходе роста капитализма. Вся мировая история подверглась инверсионной идеологизации, с тем чтобы исключить из нее свидетельства классовых противоречий, вытравить из сознания людей идеи и символы народного протеста – и представить торжествующий Запад как «магистральный путь» для всего мира.

К признакам крушения прежних цивилизационных основ следует отнести и распад традиционных связей как косных форм аскриптивности, сковывающих дух предпринимательства и свободы потребления. К этим связям относятся как макромасштабные – религиозные, так и локальные, клановые и семейные. Впрочем, солидарность как аскриптивная привязанность не исчезает, а образуется на более низком уровне, путем усиления значения семейных, этнических, кастовых, клановых, локальных и т. п. связей – вплоть до образования групп «уголовного братства». Все эти связи оказываются способными к мутации и иногда встраиваются в новые виды деятельности – на уровне элементов иной системы и с ущербом для прежней макросистемы.

Распад сложного общества в условиях «постмодерна» не обязательно означает возвращение к наиболее примитивным формам существования (сбориание плодов земли, выживание за счет собственного огорода, возрождение первичных социальных связей родства и этнической близости и т. д.). Этот распад сопровождается адаптацией к сложной криминогенной обстановке, прежде всего за счет принятия мер частной и локальной защиты и выработки «крутого» характера и облика. Впрочем, это лишь внешние атрибуты адаптации. Более основательное выражение она получает в массовом принятии отсутствия порядка, устранения «государственного ярма», разрушения нормативно-ценностной системы, что открывает пространство для проявления «вольницы» как свободы от всего, что ограничивает инстинкты, не прошедшие культурной обработки (Федотова 2000).

Отношения распада отнюдь не обязательно принимают форму индивидуализации. Напротив, аскриптивные отношения, формирующие семью, этнос, клан, касту, секту, корпорацию и другие коллективности, оказываются преобладающими – и все они противостоят цивилизационной интеграции.

Эти отношения, связанные так или иначе с перераспределением, предстают как «реакция самосохранения» (Майданик 2000: 70),

средство выживания населения и тем самым приобретают свойства носителей смысла существования соответствующих групп. Нередко восстановление разрушенной аскриптивности происходит на более низком уровне – в криминальном семейном бизнесе «крестных отцов», в «общаке» бандитских групп, дружинах боевых командиров, различных кланах, сектантских группах, а в «лучшем случае» – в «коренном этносе». Но неизбежные спутники этой социальности – коррупция, притеснение и истребление «чужих» и другие виды нарушений прав человека, получающих полное оправдание в рамках «своих» групп.

Адаптация к «новым возможностям и растущему спросу» привела также к тому, что культура стала обслуживать инстинкты, потребности и наслаждение, девиантное поведение, способствуя изощренности в проявлении чувственного поведения и привыканию к насилию. В рамках формируемого имиджа Криминала глобальная массовая культура и СМИ (особенно российские, подчас превосходящие западные по своей вирулентности) не только знакомят с достижениями «крутых парней», но и проводят идею широких возможностей теневого капитала и деятельности, не связанной с прежними или какими-либо нормами или законами, как предпосылки «первоначального накопления». Изображение нелепости политической власти, убожества политической жизни, неэффективной деятельности правоохранительных органов, их смычка с криминалом – постоянный сюжет массмедиа. Лучшие и наиболее дорогие адвокаты, «отмывающие» людей крупного Криминала и расширяющие сферу «дозволенного», неизменно пользуются высоким рейтингом у демократических СМИ.

Продуктом теневых отношений могут быть, конечно, и удачливые теневики, ставшие олигархами, «отмывшие» свои капиталы и обретшие статус в «новом мире». «Отмывание» капиталов, насчитывающих сотни миллиардов долларов, – весьма важная задача для «светлого» и «теневого» миров, и она успешно решается, а «отмытые» (и «отпетые») теневики принимаются в лоно респектабельного истеблишмента.

Но существенная часть этой Тени по всем параметрам нормы относится к сфере Аномии и Криминалитета как важная часть «глобальной культуры» – во всем разнообразии ее форм. И если аномия – удел «вчерашних», тех, кто еще сохраняет веру в добродетели или придерживается традиционных норм отношений, то девиантное поведение и криминализация – стезя решительных, пред-

приимчивых и свободных – от морали. Соответственно, и стратегия мирового сообщества по отношению к этим столь крупным стратам остального мира резко различается. Но и в том и в другом случае она двойственная. Обездоленные слои населения – предмет широко культивируемой заботы со стороны правительств, многочисленных гуманитарных организаций, международных органов. Но в основной массе это обреченная часть населения земного шара, выживающая в нишах и порах «нового мира».

Глобальная «теневая зона» как часть нового мирового порядка

Этот недостаток теоретического внимания к глобальной преступности можно сопоставить с огромным интересом к геополитическим схваткам за территории или политическое влияние в глобальном плане. Дискуссии вокруг широко разрекламированной книги С. Хантингтона вызвали живой интерес к цивилизационной проблематике именно в геополитическом плане. Основной тезис автора сводился к тому, что агрессивное навязывание западной культуры «имело временами разрушительный характер для всех других цивилизаций» (Huntington 1997: 183). Однако теперь Запад встречается с растущим сопротивлением незападных обществ, в ходе которого «незападные все в большей степени проникаются уверенностью в своей культуре и испытывают к ней все большую привязанность» (*Ibid.*). Зловещее заключение Хантингтона сводилось к тому, что будущие конфликты и войны будут вестись между цивилизациями.

Мир, как он предстает не только у Хантингтона, но и во всяком нормальном цивилизованном мышлении, – это мир, в котором фигурируют общности, основанные на культурной самобытности – этнической, национальной, конфессиональной или цивилизационной, а культурное сродство или различия в значительной степени формируют как ориентации, поведение и структуру элиты, так и государственную политику. И в пользу исследователя можно было бы многое сказать (при всех возражениях), если иметь в виду устойчивые, хорошо устроенные цивилизации, основанные на преемственности и защищенные сильным государством или имеющие в своих пределах такое государство. Таково положение в исламских странах, где ислам дает постоянное основание для некоторой степени идентификации и сопротивления подрывным влияниям. Сложная многовековая социокультурная система Индии, основан-

ная на принципе инклюзивности, доказала свою жизнеспособность вопреки всем вызовам. Огромные потрясения в Китае не подорвали его устойчивой преемственности и способности выстоять против враждебных влияний. Все эти три цивилизации рассматриваются как бросающие вызов современному Западу.

И все же выдвинутая С. Хантингтоном схема слишком оптимистична. Она может взывать к сердцу и разуму подлинного цивилизационщика, но в действительности имеет более сложный и противоречивый характер, так как цивилизации в современном мире проходят суровый экзамен на выживание.

Рамки цивилизационного устройства в современном мире очевидным образом сокращаются в пользу разрушительных и разорительных начал беспорядка и преступности. Наряду с культурным или политическим самоутверждением идут процессы дезинтеграции общества, деградация ума и души. Отнюдь не войны между цивилизациями, а национальный или глобальный беспорядок и преступность становятся важнейшей проблемой.

Общая структура глобализации имеет сложный, дифференцированный и амбивалентный характер. Этот процесс не следует рассматривать как «что-то культурно более развитое» и ведущее к исчезновению плюрализма цивилизаций, как полагает, например, американский социолог Р. Уэскотт (Wescott 1998: 91). Этот процесс ведет к новой структурной дифференциации мира при трансформации его прежнего плюрализма. Однако на современном не-Западе эффективность прежних цивилизационных структур существенно подорвана, что и становится предпосылкой крушения социокультурных оснований. Динамика заключается в выделении тех общностей, которые проходят через возрождение, и тех, что входят в период «смуты и разлада».

Картина модернизации, усердно описываемая в России адептами «откатного» мышления, включала также и благотворное воздействие Запада на остальной мир, подверженный застою и деспотизму. Однако история взаимодействия Запада и других цивилизаций предстает отнюдь не только как взаимно заинтересованное знакомство людей, носителей своей культуры и воспринимающих чужую. Такого рода сюжеты годятся только для рафинированной культурной компаративистики и истории культурных коммуникаций. никоим образом не культура была движущим началом в экспансии Запада на глобальные просторы. Это была колониальная история, благополучно забываемая как западными цивилизатора-

ми, так и российскими модернизаторами, полагающими, что «ино-го не дано» ни в прошлом, ни в настоящем – кроме универсального линейного Прогресса, по которому «идут эшелоны» первой, второй, третьей очереди.

Вместо *взаимодействия* цивилизаций в прошлом на протяжении последних двух с лишним веков происходило нарастающее воздействие – «*взламывание*» не только хозяйственной, но и всей социокультурной системы регуляции новейшими механизмами финансового, хозяйственного и торгового воздействия. Это воздействие дополняется на современном этапе «облучением» планеты технотронными средствами, оказывающимися зачастую более действенными, чем любое оружие устрашения.

До недавнего времени основательное сопротивление таким тенденциям оказывала социалистическая система второго мира, и основным оправданием ее существования было поддержание внутренней стабильности и мира. Сохранение коммунистического режима в Китае свидетельствует о его жизнеспособности и потенциалах ускоренного развития без разрушения оснований порядка. Но на новом этапе эту функцию сопротивления и самоутверждения во многом стали играть мировые западные религии и фундаменталистские движения.

Такие радикальные течения возвращают верующим упрощенные, но осмысленные цели избавления от обездоленности и потерянности в изменяющемся мире. И возникшее «из ничего» движение талибов, и азиатский или северокавказский ваххабизм, и алжирский исламизм, и индусский коммунизм – все это заполняет не только духовную, но и социально-политическую нишу и выполняет настойчивый «социальный заказ». Подобные течения расширяют свое влияние и в России.

Однако бок о бок с устойчивыми цивилизациями или радикальными движениями протеста (и требованиями наведения порядка!), а нередко и внутри них или же на их периферии образуются менее успешные регионы, которые оказываются не в состоянии выдержать натиск «центральной цивилизации». Глобализация становится интенсивной, но далеко не равной гонкой между новыми активными ориентациями, высокими технологиями и функциональными институтами, с одной стороны, а с другой – ползучей хаотизацией и разрушительными воздействиями, подрывающими жизнеспособность общества. Необходимость «вхождения в мировую цивилизацию» с ее «эффективной экономикой и финансовой

системой» оборачивается явлениями, определяемыми как «неоархаизация», «деиндустриализация», «деградация», «антиразвитие», «формирование мирового андерграунда», «антиистория», «антицивилизация» и т. д.

По мере развертывания третьего тысячелетия глобальная структура все более отчетливо делится: 1) на первый мир – привилегированную и доминирующую часть; 2) сохраняющийся второй мир, представленный классическими цивилизациями ислама, Индии и Дальнего Востока, способными на самоутверждение и сопротивление; 3) распространяющуюся череду стран и территорий, где общество оказывается на доцивилизационном уровне, где отсутствует значимая социокультурная суперструктура или сильное государство, а усиливается фрагментация на частные общности и кланы, борющиеся за выживание.

Следует подчеркнуть, что это деление нередко не совпадает с экономическими показателями, основанными на доходе на душу населения. Не обязательно «зоны бедствия» склонны к крушению порядка и преступности, если эти зоны находятся в рамках цивилизации, или же сохраняют «традиционные» нормы и ценности. Сюда относятся и «бедные, но честные» народы африканской или азиатской глубинки, Крайнего Севера. Существуют достаточные основания считать, что центр каждой цивилизации отмечен большим порядком, чем расползающаяся периферия. И вновь каждая из упомянутых цивилизаций дает убедительное распределение такого поведения.

В третье тысячелетие мир входит при нарастающих свидетельствах нового деления на «расу господ и хозяев» этого мира с его накопленными и растущими богатствами и огромные пласты «отверженных», списываемых «в расход». В условиях такой гигантской перестройки мира рушатся все обоснования и основания прежнего жизненного устройства и открываются невиданные прежде горизонты «свободы» от всех норм и ценностей.

В различного рода дискуссиях вполне основательно раскрыты внутренние механизмы криминализации общества и его источники в форме коррупции, уходящей корнями в историю каждого общества во всех трех мирах. Особенно пристрастной критике подвергаются коррупция в среде бюрократии, превращение государства в орудие не только насилия, но и хищнического разграбления общественного достояния, его присвоения «социально своими». В результате либо коррупции, либо «управляемой демократии»

государство утрачивает традиционную легитимность, не приобретая новой. Его явное ослабление, приветствуемое «последовательными рыночниками», приводит к крушению нормативного порядка и разгулу преступности, в которой надежда бизнеса – только на «свою крышу». При всех его издержках государство, как показывал еще А. Тойнби, служит, по существу, заменой цивилизации, и без него общество становится добычей внешних претендентов и внутренних сил разлада.

«Выписываемые рецепты» оказываются подчас прямо противоположными. С одной стороны, предлагается в максимальной степени обойтись без государства, тогда отомрет и коррупция как главная причина формирования Тени и Криминала, рынок сам собой урегулирует отношения Света и Тени и приведет к «осветлению» последней; а с другой – ужесточить контроль за деятельностью аппарата власти, без которой все же невозможно обойтись.

Однако современный опыт тех стран, в которых государство фактически переставало функционировать (Китай 1920-х годов, Афганистан, Судан, Таджикистан, ряд африканских государств), и типологически сходный опыт «реформируемой» России показывают, как без государства и устойчивой цивилизации общество перестает быть упорядоченным социумом и превращается в хаотическую арену конфликтов племенных кланов, конфессий, регионов.

Фундаментальная причина растущей дезорганизации, хаотизации и криминализации в современном мире заключается в ослаблении сопротивления мировых цивилизаций глобальному вызову и разрушительному воздействию Центральной цивилизации и связанной с ней миросистемы. «Нецентральный» мир сталкивается с проблемой структурного сопротивления и самоутверждения, как это предполагается, например, в концепции С. Хантингтона, либо с перспективой угасания и превращения в регионы, порождающие аномии и преступность. Эта перспектива не менее существенна, чем тенденции к самоутверждению и формированию фундаменталистских движений, которые стали в последние годы столь заметным полем исследования.

Утверждаемый на «периферии» планеты идеал «свободного потребительства» оборачивается для этого мира отнюдь не моделью «успешной модернизации», а источником нищеты, коррупции, аномии и криминализации. Во многих странах, обойденных ходом модернизации, их прежнее цивилизационное устройство приобретает все более условный и усеченный характер. На освобождающем-

ся пространстве утверждается *антицивилизация*. Эффективность и значимость унаследованных структур социальной регуляции и духовных принципов оказываются достаточно проблематичными, поскольку Центральная цивилизация в своем натиске сочетает материальное и духовное воздействие, открытые и скрытые методы, манипуляцию и насилие. Сочетание достаточно сильное, чтобы не только доминировать в глобальном плане, но и поставить под вопрос существование остальных государств, обществ и народов.

Криминал – объект осуждения со стороны общественного мнения и подавления со стороны формальных институтов и спецслужб. На деле же толерантность и даже апология данного явления встроены в систему западной культуры, что способствует ее широкому распространению по всему миру через средства массовой культуры и массмедиа.

Конец истории для части мира?

Таким образом, криминализация – обратная сторона и составная часть процессов глобализации в различных сферах – технологии, политических методов, культуры. Существует обоснованное предположение, все чаще обсуждаемое в российском общественном сознании, что западные демократии исчерпали свой потенциал распространения в другие регионы, а может быть, содержат в себе внутреннюю противоречивость, что приводит к растущей волне обвинений в лицемерии и двойной логике, проявляющейся в поддержке коррумпированных и антинациональных режимов в бывших советских республиках, странах Восточной Европы или в Азии – до тех пор, пока они придерживаются открыто антикоммунистических, антисоветских или антирусских ориентаций.

Другим противоречивым фактором в современной системе глобальной регуляции зачастую является поддержка движений этнических меньшинств за счет более крупных геокультурных единиц национального, конфессионального или цивилизационного плана. Поддержка таких движений приводит не только к ослаблению крупных государственных образований, но и к многоликому «этническому возрождению», возвращающему мир в «доосевое время». Эта этническая архаика нередко выступает как обоснование обоюдного девиантного поведения народов, проживающих по соседству или на общей территории. «Чужие» – не люди, и по отношению к ним допустимы любые проявления неприязни и жестокости.

Существенное положение заключается в том, что, будучи глобальной экономической системой, капитализм остается в цивилизационном плане привязанным к специфичной и локальной западноевропейской – североамериканской цивилизации. Он является не универсальным, а уникальным (по формулировке того же С. Хантингтона). Как показывает опыт, рыночные отношения могут совмещаться с разными социокультурными условиями, в которых капитализм, в его западной разновидности, не имеет собственных генетических корней и не играет существенной роли в социокультурной или политической регуляции.

Финансовый капитал, не связанный прямо с производством и его непосредственными участниками, в еще меньшей степени озабочен собственно этическими соображениями, чем индустриальный капитал, вынужденный поддерживать социальные функции и прибегать к моральной и ценностной легитимации. Его величина может возрастать и теневыми или грязными способами – посредством «отмывания» денег, нажитых на организации нелегальных производств, торговли наркотиками или «живым товаром», – наряду с более «чистыми» методами: путем финансовых афер и спекуляций, «приватизации», невыплат зарплат, перевода средств в многочисленные офшорные зоны или попросту в надежные западные банки, с помощью манипулирования ценами и связи с бюрократией, отсутствия законодательства и т. д. Тем самым он систематически порождает криминал и никакой объем антикриминальной деятельности не может возместить ущерб, вызванный моральной индифферентностью крупного капитала. Сущность современных глобальных процессов может быть представлена, по выражению А. Неклессы (2000: 48), как «контролируемая деструкция или организованный хаос», с целью создания кризисных ситуаций и массированного изменения прав собственности и соотношения геоэкономических факторов.

Несмотря на все благие намерения и гуманитарные усилия, общее воздействие привязанной к Западу глобальной системы отношений остается пагубным для существования специфических цивилизаций. Тень транснационального капитала может затмить любой свет от высокой культуры. Обратной стороной такого процесса глобализации становится «глобальный антиэтос» как продукт разрушения прежних аскриптивных связей и смыслов. Все прежде ценное и значимое: мораль, человеческое достоинство, вера, духовное спасение, человеческие отношения, долг, верность – стано-

вятся объектом коммерции. Неизбежным результатом такого положения становится не только принятие безличных рыночных связей, но и привыкание к поведению, считавшемуся ранее девиантным, а затем и имплицитное принятие криминализации во всех сферах жизни. По существу, вся культура постмодерна пропитана символикой потребительства и достижения, лишенных моральных измерений. Не принципы, ценности или законы, а только условия и обстоятельства принимаются во внимание. Растущая массовая аномия и разрушение нормативных, ценностных и смысловых структур создают почву для массовой криминализации.

В описываемых процессах просматриваются и перспективы «конца истории» – но совсем не в духе торжествующего либерализма, а как повторение пророчеств Римского клуба, раскрывших вероятность истощения основ воспроизводства Цивилизации (в единственном числе). Впрочем, окончание истории опять-таки выглядит структурированным: первый мир может вновь и вновь выигрывать время и лидерство в этой гонке, тогда как многие страны и народы уже никуда не бегут и для них время течет в обратную сторону. Для них наступает *антиистория*.

Нередко структуры «нового третьего мира» совмещаются со структурами первых двух, более благополучных миров. Его границы не всегда совпадают с государственными, так как деградирующая социальность склонна распространяться по различным каналам, включая современные финансовые, информационные и торговые (наркотики, оружие, «живой товар») потоки, на остальной мир. При этом мировое сообщество, принимая жесткие меры по ограничению диффузии продуктов распада бывшего третьего мира на собственные территории, создает различные способы утилизации продуктов – в благоприятном для него случае – на свою потребу.

Теперь эти общества мало кого интересуют. Им, как правило, нечего предложить мировому рынку – кроме исходного сырья для изготовления наркотиков, примитивного артизаната или «живого товара». В них остановилось время великих цивилизаций Востока или локальное, но собственное время африканских культур – что бы там ни говорили об «африканском присутствии» или «африканской философии». Они представляют собой гигантский «архипелаг», отделенный от остального мира не колючей проволокой, а хорошо организованным межгосударственным и миросистемным управлением, при котором их собственные правители выступают в роли «петенов» и «квислингов» внешнего управления. Удовлетво-

рение их властных инстинктов и жадности в пределах «своих стран» вполне уравнивает снисходительность или даже поношение в международных кругах. А миллиарды долларов, которые они накапливают в течение своего бессменного правления, снова и снова доказывают истину древнего афоризма «деньги не пахнут». И, вопреки всем стараниям юристов и праведников, правосудие срабатывает слишком редко и слишком медленно. В тех случаях, когда в некоторых государствах находятся силы, способные ниспровергнуть такие режимы и противостоять внешнему диктату, страна становится объектом жесткой изоляции, экономического и силового давления, включая воздушные бомбардировки.

На международных конференциях и совещаниях по проблемам международного терроризма обсуждаются политические, социологические, психологические, силовые и прочие аспекты борьбы с этим злом. Все большие усилия первый мир тратит на создание «системы ВОХР» против внешнего и внутреннего «пролетариата». Но масштабы *антицивилизации* слишком велики, чтобы ограничиться принятием полумер и обсуждением «рабочих концепций».

Россия в этом плане представляет собой опять-таки явление, малодоступное пониманию по аналогии с другими обществами. Столь жестокие потрясения, разрушение не только привычных норм, но и просто основ жизнеобеспечения в сложном и технологически развитом обществе, представлявшем собой на протяжении нескольких десятилетий одну из наиболее влиятельных держав мира, не вызывают заметного протеста среди широких слоев населения. Спротивление общества большей частью выражается либо в уходе от активного участия в столь насыщенной политическими и криминальными разборками жизни, либо в поисках своей маленькой «тени», обеспечивающей выживание в ожидании перемен.

За частными причинами столь пассивного поведения стоит некоторая фундаментальная причина: часто отмечаемая слабость ценностной и смысловой структуры российской цивилизации, ее неорганичность, наличие многих гетерогенных начал – культурных, конфессиональных, этнических, исторических, территориальных, отсутствие сложившегося срединного начала и огромная дистанция от высокой до низкой культуры духовного поля. На протяжении многих веков Россия так и не преодолела этой разнородности и противостояния разных ценностей, смыслов и мировоззрений. Именно государство выступало здесь на протяжении веков заменой цивилизационного устройства, объединяющим, регулиру-

ющим и направляющим началом. Но государство, располагавшее своим кредо, своей идеологией и идеей. В ходе интенсивного разрушения прежнего косного и ограниченного режима были попутно разрушены и элементы цивилизации, вызревавшей в России. В разрушенном пространстве утверждается хаос, в котором Криминал является неизбежным сопутствующим элементом (Ерасов 1995).

Предварительная работа по созданию условий для тенефикации и криминализации российского общества выполнялась, конечно, интеллигенцией как носительницей духовных смыслов и культурного мастерства. Но ее работа заключалась прежде всего в разрушении прежних смыслов и норм, или утопических ценностей. Впрочем, нередко формулировалась и сверхзадача – предание России «идентификационной смерти». Задача не требовала ценностных критериев, а прямо или имплицитно допускала и оправдывала все средства для достижения столь значимой цели.

Такого рода высокий интеллектуализм активно дополняется деятельностью российских СМИ и системой массовой культуры. Героизация «крутых парней», банализация криминальной деятельности должны нести в массы новые антинормы и антиценности. Пораженное население России и остальной мир с удивлением наблюдают процесс и результаты технотронного уничтожения основ цивилизованной жизни в стране, казавшейся столь великой.

Существует изначальное и основное значение мифологемы «хаос», всегда противопоставленной культуре и цивилизации и вполне соответствующей понятиям «разруха», «катастрофа», «крушение», «деградация» и «архаизация». Столь часто используемый в интеллектуальном дискурсе термин «антицивилизация» приобретает вполне реальное содержание. Драматичным проявлением этой архаизации – хаотизации – варваризации и политической, и бытовой жизни становится не только криминализация на всех уровнях общества, но и бандитизм и война внутри самой России.

Народ сам по себе способен на стихийный бунт или плохо организованное «перекрытие дорог», на то, чтобы прийти на распятие Христа (или на расстрел Дома Советов). От его имени и ему должны что-то сказать пророки. Счастливы те страны, в которых вовремя – либо рано или поздно – появлялись пророки, лидеры, обеспеченные «группой поддержки» из последователей. Этот век знает многих национальных лидеров, способствовавших возрождению своего народа, нации и государства. В России пророков, которые вывели бы страну на правильный путь, не оказалось – хотя и разда-

ются постоянно призывы типа «России нужен новый Моисей». Зато встречаются во множестве пророки разрушения и гибели. Интеллигенция в лице ее «лучших представителей», получающих доступ к правящей верхушке, оказывается прислужницей – или молчаливой пособницей – в разрушении культуры, намного более крупномасштабном, чем то, что осуществили «красные комиссары».

Впрочем, если оставить в стороне закоснелые идейные установки интеллигенции, то в массе своей она оказалась по одну сторону с народом, – если не считать «независимых экспертов», обслуживающих властную бюрократию и олигархию. Оказалась потому, что новому режиму и новому господствующему классу культура нужна лишь для культивирования изощренного потребления сугубо материальных благ. Этому режиму не очень нужны образование и наука, и если это «наследие прошлого» еще не увяло совсем, то прежде всего потому, что «слишком много» его накопилось и нужно время для того, чтобы с ним насовсем распространиться.

Заключение

Размах и степень социокультурной, равно как и политической или экономической, дезинтеграции во многих странах современного мира становятся опасными для поддержания цивилизационных структур. Это не только влечет за собой тягостное ухудшение социальной ситуации в странах, сильно затронутых криминализацией, но и вызывает растущую напряженность во всем мире. Все новые и новые ограничительные меры предпринимаются в международных отношениях, чтобы предотвратить распространение тенденций беспорядка, а многие более благополучные страны вынуждены затрачивать огромные средства на предотвращение хаоса, преступности и терроризма. Однако никакой объем политической или правовой регуляции, полицейских или военных мер не может обратить вспять этот процесс. Перспектива постепенного улучшения социокультурного качества глобальной ситуации связана только с ценностями, нормами, смыслами и институтами, обеспечиваемыми цивилизационными структурами как важнейшим достоянием истории человечества.

Литература

Ахнезер, А. С., Яковенко, И. Г. 1997. Что же такое общество? *Общественные науки и современность* 3: 30–37.

Ерасов, Б. С. 1995. Этническое, национальное, цивилизационное в пространстве Евразии. *Цивилизации и культуры*. Вып. 2. М.: ИВ РАН, с. 81–104.

Кива, А. В. 1999. Криминальная революция: вымысел или реальность. *Общественные науки и современность* 3: 25–37.

Косолапов, Н. А. 2000. Круговорот «света» и «тени» как механизм общественного развития. *Восток* 1: 103–113.

Майданик, К.

1997. Коррупция, криминализация, клептократия... «Переходная фаза?» Тупиковая ветвь? Основополагающие структуры? *Свободная мысль* 2: 39–49.

2000. От уголовной статьи к глобальной проблеме. *Восток* 1: 4–9.

Некlessа, А. И. 2000. Постсовременный мир в новой системе координат. *Глобальное сообщество: новая система координат*. СПб.: Алетейя, с. 11–78.

Панарин, А. С. 1999. *Россия в циклах мировой истории*. М.: Изд-во МГУ.

Федотова, В. Г. 2000. Криминализация России. Автохтонный капитализм как реакция на правый радикализм. *Свободная мысль* 2: 35–49.

Эйзенштадт, Ш. 1999. *Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций*. М.: Аспект Пресс.

Этос глобального мира. Круглый стол. 1999. М.: Горбачев-фонд.

Huntington, S. 1997. *The Clash of Civilizations and the Remaking of the World Order*. New York, NY: Simon & Schuster.

Rock, P. 1993. Crime and Deviance. *The Blackwell Dictionary of Twentieth-Century Social Thought*. Oxford; Cambridge: Blackwell Pub.

Pro et Contra. 1999. Т. 4. № 1.

Wescott, R. W. 1998. Civilizations Galore. *The Comparative Civilizations Review* 39: 77–96.

The Civilization of Crime. Violence in Town and Country since the Middle Ages. 1996. Urbana; Chicago: University of Illinois Press.